

Владимир Горовой

ПА-У-ТИН-А

«Каждый идет своим путем. Но все дороги, всё равно, идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти... Если идешь с удовольствием, значит, это твоя дорога. Если тебе плохо — в любой момент можешь сойти с нее, как бы далеко ты ни зашел».

К. Кастанеда

1

— Мама, нет! Мамочка, не убивай меня! Я очень быстро вырасту! Я обещаю! — молил меня маленький сын, увидев жертвенный нож в моих руках. Я схватила ребенка в охапку и, не разбирая дороги, побежала в лес. Мы мчались сквозь заросли, я прикрывала малыша своими руками от

ветвей и колючек, торчащих отовсюду. Мы бежали до тех пор, пока я окончательно не выбилась из сил. Из-за сильнейшего тайфуна, лишившего островитян почти всех источников для пропитания, вождь разрешил использовать в пищу всех детей в возрасте до пяти лет и отцы семейств спокойно использовали разрешение богов.

Я проснулась в холодном поту. Сердце билось так сильно, что я слышала его каждой клеткой своего тела. Сон не хотел меня отпускать, поэтому я сползла с кровати и, шатаясь, добрела до душа. Кружка горячего кофе и забытый уже вкус сигаретного дыма наконец-то привели меня в день сегодняшней.

Проведя всю прошлую неделю в сомнениях, насчет запланированного аборта, я все-таки решилась. И вот теперь, ночной кошмар полностью изменил мои вчерашние намерения. Когда-то моя мать рассказывала мне, как она сама себе делала аборт, вернее сказать прерывание беременности, срок был уже не маленький. Детали ужасны, самое невинное из ее повествования было то, что она, даже, рассмотрела писюнчик у извлеченного плода. Слава Богу, что современная медицина и, главное, законодательные нормы отличаются от условий середины прошлого века.

Первым делом я решила позвонить доктору или точнее, моему давнему знакомому, который

работал главным анестезиологом в центральной больнице города. Это он помог мне быстренько и без проблем все организовать.

— Илюша, ты понимаешь, кое-что произошло и я...

— погоди, — нервно прервал меня доктор, — я на дежурстве, приезжай в больницу, здесь и поговорим.

— Но я хотела сказать...

— Не по телефону, — вновь резко оборвал меня Илья и выключил трубку.

События последних дней коренным образом изменили весь уклад моей жизни. Даже находясь за рулем машины, я не могла избавиться от ощущения того, что моя маленькая вселенная рушится. Дома, деревья, витрины магазинов, лица прохожих, все превратилось в сплошной грязевой поток, мчащийся сквозь мой мозг. Главным толчком к происходящему была, конечно, смерть Женьки.

2

Мне было четырнадцать, когда мои родители развелись. Вскоре матушка вышла замуж за парня, который был на десять лет младше ее. Поначалу он был неплохим мужем, но в отцы он мне не годился, да он никогда и не претендовал на эту роль. Однажды, когда матушка задержалась на работе до

глубокой ночи, он, будучи в состоянии веселого подпития, стал откровенно приставать ко мне, чем напугал меня до смерти, и я в комнатных тапочках и домашнем халате убежала на улицу, где дожидалась маму. Когда она пришла, то мои сбивчивые объяснения не очень впечатлили ее, и она не стала даже будить эту пьяную свинью. После этого случая, я предпочла принять предложение своей тетки Кати и переехать жить к ней до наступления более благоприятных времен в жизни моих родителей.

Родной отец занялся строительством своего собственного счастья, но так и не преуспел в этом. Быстро сгорев в перипетиях Амура и Гермеса, он рано покинул этот мир, так и не став достойным мужем или хорошим отцом. Матушка была увлечена своим новым счастьем, но не долго. Водка и необоснованные исчезновения на несколько дней порядком надоели ей, и она пустилась на поиски новых возможностей. Родители были так обеспокоены заботами о собственной жизни, что я почти все время жила у своей тетки. Таким образом, я рано получила большую свободу от чрезмерной родительской опеки, что бывает чрезвычайно опасно для девочек обделенных отцовской любовью. Меня интересовали парни постарше. В свои пятнадцать лет я проводила время в компании ребят уже закончивших школу и

коротающих свой досуг за потреблением наркотиков разной степени тяжести. Ребята были неглупые, но избалованные хорошим достатком и попустительством родителей. Мне очень хотелось стать такой же «крутой» и не только хорошо разбираться в музыке, артхаусном кино и популярной литературе, но и пользоваться все доступные психотропные вещества. Лозунг: «Секс, наркотики, рок-н-рол» словно пропуск во взрослый мир. Ребята были не только неглупые, но и в какой-то степени порядочные. Они категорически не подпускали меня к наркотикам, ну разве, что иногда предлагали немного безобидной марихуаны. На техническом этаже лифтовой шахты я лишилась девственности. Все произошло прозаично, если не сказать банально. Подруги наперебой хвастались своими сексуальными похождениями и я, чтобы не выглядеть белой вороной, легко согласилась на дружеский секс с одним из парней. Нет, я не любила его, но какую-то долю симпатии всё же испытывала. Получив в распоряжение весь комплект «взрослой» жизни я ушла в психологический отрыв от своих одноклассников, да и вообще сверстников. Продолжая учиться в школе только на хорошо и отлично, я, словно Элли, была захвачена торнадо и он унес меня в неведомы края. И, если Элли быстро долетела и обрела новых, верных друзей, то я кружилась в смерче событий,

не успевая осознавать, что именно происходит со мной и близкими мне людьми. Но, как известно, центр циклона не может существовать без самого циклона. Они всегда вместе. Когда я стала немного старше и поступила в институт, основные удары стихии были уже позади, и мне не пришлось страдать болезнями роста, присущими первокурсникам. А вот вторая часть урагана меня настигла только теперь, и он легко унес меня в другую реальность, порушив мой картонный домик.

3

Я была просто раздавлена мыслью о том, что Женька, с его вечной ухмылкой на тонких губах, впредь, никогда не приоткроет дверь в нашу совместную обитель, где наши умы, наши тела, наши интересы, даже наши привычки пересекались таким удивительным образом, что кружева от этих хитросплетений создавали лучший метафизический узор в сереньком альбоме моей памяти. Я не хотела верить в то, что мне не удастся снова заглянуть в его темные глаза, удивительный разрез которых не оставлял границ от зрачка к радужке, а белок, возможно, и вовсе отсутствовал. Не имея ничего общего с «восточным» прищуром, тем не менее, он всегда смотрел на мир сквозь узкую щель, его глаза улыбались иронично, презрительно, дьявольски и

всегда говорили мне: «Смотри на меня, слушай меня, будь моей, слейся со мной». К своим тридцати пяти годам, я побывала замужем, правда недолго, но очень поучительно. Я уже не рассчитывала на сильные чувства в своем сердце. Не исключая мимолетных отношений, я, уже было, окончательно приписала себя к разряду бездетных и одиноких дам. Диеты, йога, единоборства позволяли мне все еще уверенно общаться с мужчинами не самого зрелого возраста. Ну не люблю я этих степенных, состоявшихся в социуме дядечек или, если хотите, «папиков». Меня тошнит от их «знания жизни».

Оглушенная, ослепленная, окрыленная своими чувствами я почувствовала в лице Евгения свою лебединую песню. Душа рискнула еще один раз полностью довериться другому человеку, служить ему и наслаждаться этим... Закрыв глаза я нырнула в радугу, рожденную в моем сердце, а она сквозь кожу сочилась светом и разливалась в пространстве...

Да, формально он находился в браке, да я против отношений с женатыми мужчинами, но мой случай, конечно же, особенный. Мы встретились на теоретических занятиях по йоге, и мне хватило одной его иронической фразы с небольшой толикой цинизма, что-то вроде: «Не надо заставлять тараканов в голове ходить строем. Так же, не стоит

бить тапком каждого таракана, нарушителя шеренги. Просто отпусти его и забудь», и я тут же почувствовала в нем родственную душу. Евгений был женат уже семь лет, детей у них не было, общих интересов тоже, жили вместе просто по инерции. По крайней мере, так утверждал сам Евгений. Он не хотел заводить детей и говорил, что их совместная жизнь — сплошные непонятки и попытки построить замок на зыбком песке.

Наш роман не был бурным в общепринятом смысле этого понятия. Просто произошло слияние двух рек и спокойное, но мощное течение понесло нас как единый поток. Вот только век его был недолог. Мы пробыли вместе чуть более года. Недавно я узнала, что беременна и, зная его отношение к детям, решила на аборт, не ставя его в известность.

Так, мучая и терзая свою душу мыслями о потерянном друге, я кое-как добралась в больницу.

4

Илья фат и ловелас, старинный приятель моего бывшего мужа. Даже в медицинской спецовке смотрелся, словно новая банкнота. Накрахмаленный синий костюм, из-под брюк которого выглядывали дорогие итальянские туфли из кенгуриной кожи. Паркер в нагрудном кармане

куртки и довольное, идеально выбритое лицо. Благоухая хорошим парфюмом, он выглядел как Бельмондо, такой же страшенький и обаятельный одновременно. Когда-то, он даже пытался залезть мне под юбку, но получил решительный отпор и, что забавно, мы стали почти друзьями.

Илья взял меня под локоть и вывел на большую террасу второго этажа.

— Ты просила меня выяснить реальную причину смерти. Так вот, твой Женька скончался от передозировки героина принятого орально. Возможно с чесночным соусом. Наркоманы таким образом не используют опиоиды и если сложить оба эти фактора, то это тянет на убийство, но, запомни, я тебе ничего не говорил. Официальное заключение тебе уже известно: сердечная недостаточность. Ну а с твоим делом я жду тебя в шесть вечера, как и договаривались.

Илья закурил и говорил что-то еще, но я ничего не слышала. Вдалеке, за сизой дымкой, за полями и долами, на линии горизонта виднелись горы, их белые вершины, словно зубы дракона, впивались в синее небо, пытаясь сожрать зазевавшееся облако. И я полностью зависла. Мне хотелось протестовать и плакать, но вместо этого я сказала:

— Спасибо тебе, Илюша, за помощь, только на аборт я не приду. Обстоятельства изменились

коренным образом. Я пожалала ему руку и поплелась к выходу, попросив Илью не провожать меня.

5

Я вернулась домой. Меня трясло мелкой дрожью. Думала поесть чего-нибудь, даже открыла дверцу холодильника, долго и безучастно смотрела в него, потом закрыла и присела на стул.

«Что же происходит с моей жизнью», — думала я, — «Как только становится все хорошо, так жди беды». Прикурила сигарету, но тут же погасила ее. Тошнота подкатила к горлу. Стоя на коленях возле открытого унитаза и размазывая слезы по опухшему лицу, я пыталась найти точку опоры, на которой будет не все так плохо. Меня еще раз стошнило, затем я умылась и пошла в спальню. Закутавшись в одеяло, я все равно ощущала озноб. Он шел изнутри из глубины сердца, из самой души. Покусывая губы, чтобы не зареветь в голос, я хлюпала носом и подвывала, и поскуливала, словно раненая собака. Мне было очень жаль себя. Я проклинала всех на свете или точнее тех, кто мог быть причастен к моему горю. Впадая то в дрему то в слезы, я проваливалась в постели до следующего утра. Хотелось есть, но мазохистское чувство саморазрушения не позволяло мне сделать что-нибудь разумное и

полезное для себя. Влекая невротическим припадком и жалостью к своей судьбе, я вдруг почувствовала какой-то приятный ветерок в груди. Это было просыпающееся чувство мести за разбитый хрустальный замок моего счастья.

«Почему? Почему какой-то ублюдок посмел так бесцеремонно и подло поступить с нами», — все больше распалялась я, — «я найду эту сволочь, и он ответит за свою агрессию по полной программе!» Эта идея разжигала во мне огонь. Это не было пламя безрассудных поступков, точнее будет сказать, что это разгорался фитиль, способный взорвать, унести на тот свет и моего возможного обидчика и, если потребуется, меня саму. Итак, нужен был план. Из глубины сознания всплыли воспоминания каких-то книг, в которых злодеи всегда возвращаются на место преступления, и я решила начать с посещения похорон Евгения. Мало ли что, надо осмотреться.

6

Незадолго до смерти, Женька познакомил меня со своим отцом. Они не были дружны, даже наоборот было заметно, что между ними есть какая-то застарелая обида. Отец был предпринимателем средней руки, как говорится звезд с неба не хватал, но жил на широкую ногу.

Статный мужик с манерами и внешностью зажиточного крестьянина, он любил «крепкое словцо» и крепкие напитки, впрочем, только в нерабочее время. После этого визита я решила, что наши отношения становятся, в какой-то степени официальными, особенными. Теперь же, я решила съездить к нему, ведь именно он должен организовать похороны. Каково же было мое удивление, когда я услышала приглушенную музыку у двери Геннадия Варфоломеевича, именно так представился мне Женькин отец. Я позвонила в дверь дважды, но никто мне не открыл, хотя я могла поклясться, что слышала шаги за дверью. Выйдя на улицу, я решила купить себе мороженого, что бы хоть как-то поддержать свой промытый и изголодавшийся организм. Присев на скамейку под раскидистой ивой, я ела эскимо и смотрела в окна лоджии третьего этажа, где, по моему мнению, проживал Женькин отец. Мороженое немного разжало тиски огорчений минувшего дня, и я немного расслабилась в решете солнечных лучей, пролитых на меня сквозь узкую листву ивы. Когда я уже почти расправилась со своим лакомством, дверь на лоджию отворилась и туда просто вывалилась полураздетая пара, слившаяся в страстных объятиях. Моему удивлению не было предела, когда я рассмотрела в этих любовниках Геннадия Варфоломеевича и Эмму, жену Евгения.

Хотя я видела ее всего один раз и не с близкого расстояния, но такую яркую внешность трудно спутать с кем-либо. Копна взъерошенных волос, окрашенных в соломенный цвет, грудь не менее четвертого размера и крупные, но симпатичные черты лица. По моему наблюдению, такой образ носят активные хищницы. Чаще всего, таким дамам все равно на кого нападать, а если нет жертвы, они могут полакомиться и падалью, лишь бы утроба не была пуста. Данный случай, хотя и дал повод задуматься, но покоробил меня своим цинизмом. Возможно, именно разительная непохожесть на его супругу, заинтересовала Евгения в моем облике. Ее пышные формы и средний рост, против моего первого размера и метр восемьдесят от пяток до макушки, ну а когда надену каблуки, то мне вообще мало равных. У нее копна ярких волос, а у меня темно-русое каре. Да уж, поди разбери, чего надо этим мужчинам?

Я позвонила на работу и, в дополнение к трем дням по больничному листу, попросила внеочередной отпуск на десять дней за свой счет. Работа юрисконсульта в крупной риэлтерской конторе не требует ежедневного участия и, вдобавок, я пообещала, в случае острой необходимости, оперативно явиться на рабочее место.

В день похорон я не пошла на вынос тела и, конечно, не собиралась участвовать в поминальном застолье, но вот посетить кладбище я сочла необходимым. Все кладбища в нашем городе это сплошное издевательство над живыми. Когда погода хорошая, то еще как-то сносно топтаться по траве и комьям разбросанной земли, но случись дождь и тут приходит полный трандец. Вот и пришло то время, о котором я так беспокоилась вчера. Было пасмурно. Небо, нахмутив брови туч и надув щеки облаков, задумчиво смотрело вниз, как бы выбирая на кого и когда обрушить свое негодование. Народу было много, и я легко затерялась в черных плащах и шляпах. Незнакомые лица дальних родственников, да еще каких-то соседей, желающих попировать на халяву, да и мало ли кому и зачем надо было сюда явиться. А вот и ребята, которых я ждала. Три человека, одного я знала хорошо, это был Вовчик, близкий Женькин друг и коллега по бизнесу, второй его друг Сергей, управляющий банка, а третьего я видела впервые. Невысокий, толстенький, но было видно невооруженным глазом, как подобострастно спутники относились к нему. Так уж сложилось, что с раннего детства, я не относилась к покойникам как к части личности, которая

существовала до смерти. Для меня труп человека — это просто наполнитель гроба. Но в этот раз все было иначе. Я напрягала все силы, чтобы не разрыдаться в голос, но сдержать слезы было невозможно. Выручил ливень. Я умышлено не стала доставать зонтик из сумочки и капли дождя смешались с моими слезами на щеках. Вероятно, мне было жаль себя, так вероломно отброшенную судьбой на край обочины по пути в страну простого женского счастья. Люди, прервав процедуру прощания, ринулись к выходу, к своим машинам и автобусу, оставив покойника паре угрюмых землекопов. Скользя по глине и лавируя среди могильных ям, которые, словно огромные цветки мухоловки раскрыли свои пасти в ожидании добычи, люди пытались поддерживать друг друга, но все равно некоторые падали. Вода с неба шла стеной. Я так вообще замерла на месте и не решалась двигаться. Неожиданно надо мной раскрылся зонтик, и я услышала голос Вовчика:

— У души не будет радуги, если в глазах не было слез. Хватай меня под руку, и пойдем, может на четырех-то ногах, и не шмякнемся. Ты на машине или тебя подвези?

— Спасибо, не откажусь, я сегодня пешком, — слукавила я. Моя Alfa 159 стояла не так уж далеко, но мне хотелось кое о чем спросить Владимира, и упускать эту возможность я не

хотела.

8

Владимир был сослуживцем Евгения. Они вместе проходили срочную в ракетных войсках на Украине. Будучи земляками, до армии они ничего не знали друг о друге, хотя после выяснения степени родства типа: дядьки Петькиного Гришки двоюродного брата кума сын, который жил с мачехой кузнеца, работающего на водокачке, был близким другом моего зубного врача, нашлись общие знакомые. Вовчик от природы был туповат, но обладал хорошо поставленным ударом и тягой к людям образованным и веселым. Евгений был именно таким человеком, с которым было интересно общаться и ходить в самоволки. Одной из самых продолжительных дискуссий у них было выяснение того, что важнее: ум или сила. Вовчик доказывал, что с помощью силы можно добиться мгновенного и эффективного результата и не стоит иронизировать по поводу: «Сила есть, ума не надо». Позиция Евгения была философской. Он с удовольствием цитировал Луи Огюст Бланки: «Можно уступить силе, но безропотно покоряются только разуму».

Однажды, во время наряда по кухне, однополчанин, родом из солнечной Молдавии,

сильно толкнул Евгения и на предложение извиниться нахамил самым недостойным образом. Это был уже не первый случай провокации от данного воина. Понимая, что так больше продолжаться не может, Евгений ударил забияку головой в лицо и для пущей убедительности своих доводов засадил ему в ухо кулаком. Эффект был поразительным. С этого момента и до конца службы, вчерашний хам и провокатор стал олицетворением любезности и предупредительности. Вовчик торжествовал. Его примитивная теория была подтверждена практикой в одну секунду. А когда во время потасовки с агрессивно настроенными таджиками, один борец уложил Вовчика на пол и, усевшись сверху, стал его мутузить, Евгений пришел на выручку, проведя специальный прием под названием «кирзачом в голову», Вовчик обрел сильнейшее уважение к своему другу. С годами дружба крепла. Гражданская жизнь не раскидала бывших однополчан, а дала им возможность помогать друг другу в делах гражданских. Семьями может быть они и не дружили, а вот сауны и деловые переговоры часто посещали вместе.

9

Я с благодарностью приняла предложение

Владимира, и мы последними из всех поскользили к выходу. Огромный представительский Cadillac Escalade ждал нас у ворот кладбища. Издали машина — как машина, а подойдя вплотную, я пережила то же чувство, как в далеком детстве перед мавзолеем, когда отец водил смотреть меня на мумию Ленина.

Помню, пришли мы домой, и я спросила деда:

— Дедуля, вот скажи мне, почему говорят, что «Ленин живее всех живых»? Я сегодня видела, что он лежит совсем мертвый.

— А потому, солнышко мое, что он, как самый большой паук в мире, наплел паутины. Города, улицы, назвали его именем и именами его паучков. Везде поставили памятники — это чтобы все знали, что он наблюдает за нами каждый миг, такой «бог — паук» получился. Был еще таракан главный, но с ним более-менее разобрались, а этот еще долго будет следить за нами, пока последнюю улицу не переименуют, он будет в наших умах и головах дергать за паутинки, а мы будем жить так, как хочет он, а не так как следовало бы.

— Да я все знаю, папа приносил видео — кассету и там был фильм про него, «Человек паук» называется.

— Нет, внученька, то паучок не наш. Вот наш — настоящий паучище, всем паукам паук. Монстр, а не паук, просто паучий бог!